

13. Pavlov D. S., Striganova B. R., Bukhareva E. N. Ekologotsentricheskaja kontsepcija prirodnopol'zovanija // Vestnik RAN. 2010. T. 80. № 2. S. 131–140.
14. Platonov O. Russkaja ekonomika bez globalizma. M.: Algoritm, 2006. 800 s.
15. Platonov O. A. Russkij trud. M.: Sovremennik, 1991. 335 s.
16. Rejmers N. F. Sistemnye osnovy prirodnopol'zovanija // Filosofskie problemy global'noj ekologii. M.: Nauka, 1983. S. 121–161.
17. Trubetskoj K. N., Galchenko Ju. P., Burcev L. I. Strategija sovместного razvitija prirody i obščestva // Vestnik RAN. 1998. T. 68. № 11. S. 995–998.
18. Ursul A. D. O ponjatii «ekologičeskaja dejatel'nost'» // Filosofskie nauki. 1986. № 1. S. 35–42.
19. Ursul A. D., Ursul T.A., Tupalo V. G., Engel' A. A. Ustojčivoe razvitie, bezopasnost', noosfeogenez: Monografija. M.: RAGS, 2008. 400 s.
20. Čajanov A. V. Krest'janskoe hozjajstvo. Izbrannye trudy. M.: Ekonomika, 1989. 492 s.
21. Černyšev S. N. Russkie narodnye traditsii obščhenija s prirodoj i prirodnopol'zovanija // Pravoslavie i ekologija. M.: Moskovskij patriarhat. Otdel religioznogo obrazovanija i katehizacii. 1999. S. 272–279.

Зыонг Куок Куан

ПОНЯТИЕ «ВЕРНОСТЬ» ВО ВЬЕТНАМСКОМ КОНФУЦИАНСТВЕ

Конфуцианство, также как буддизм и даосизм, распространяясь во Вьетнаме, вьетнамизировалось, подстраиваясь под местные особенности и тем самым становясь составной частью вьетнамской культуры. Распространение конфуцианства во Вьетнаме — это не только процесс ассимиляции, но и постоянного развития самой этой религиозно-идеологической доктрины. Вместе с тем вьетнамское конфуцианство в немалой степени отличается от китайского. Прежде всего, это касается трактовки такого понятия, как «верность». Конфуцианская «верность» во вьетнамской культуре тесно связана с идеей патриотизма, причем народ и страна, а не правитель, стоят на первом месте.

Ключевые слова: конфуцианство, феодализм, мораль, верность, патриотизм.

Duong Quoc Quan

Faithfulness In Vietnamese Confucianism

Confucianism, the same as Buddhism and Taoism, being spread in Vietnam, vietnamized, adapted to the local peculiarity and became an integral part of Vietnamese culture. Dissemination of Confucianism in Vietnam is not only the process of assimilation, but also constant development of its religious and ideological doctrine. At the same time Vietnamese Confucianism differs from Chinese to a big extent, first of all in terms of understanding such a concept as “Faithfulness”. Confucian “Faithfulness” in Vietnamese culture deeply tied with the idea of patriotism, in which people and nation (but not the governor by itself) take the first place.

Keywords: Confucianism, feudalism, morals, faithfulness, patriotism.

В конфуцианском понимании, особенно это касается конфуцианства эпохи Хань и Сун, «верность» (вьет. «Trung» — Чунг, кит.: 忠) означает «верность государю», то есть преданность королю, почитание коро-

ля, самозабвение ради короля. Король — превыше всего. Даже если он невежественный, распутный правитель и жестокий тиран, все равно, необходимо придерживаться строгого постулата: «король повелел —

подданный умер, если не умер, значит, он неверный». Главная цель идеологии, основанной на понятии «верность государю» (абсолютная преданность королю), заключается в том, чтобы сохранить и защитить централизованную власть абсолютной монархии и расширить ее. В феодальном обществе, где постоянно существует угроза внешней агрессии, где обостряются внутринациональные противоречия, «верность государю» способна стать мощным моральным стимулом для отражения нашествия внешнего врага. В такие моменты верность королю, как правило, означает единение в интересах страны и нации. Но в тех случаях, когда король лишен мудрости, гуманности и справедливости, слепая преданность ему — не что иное, как абсурд, сковывающий активность человека как в мыслях, так и в делах. Это опасное оружие в руках абсолютной монархии, которое используется для сохранения прогнившего феодального строя.

Во Вьетнаме «верность государю», помимо прямого значения «преданность королю», имеет и другой смысл: преданность стране. И это рассматривается как высшее проявление верности. В понимании почти всех вьетнамских конфуцианцев эпохи феодализма верность государю связана с патриотизмом. Верным королю можно быть при условии, если король предан стране. Патриотизм — вот основа, которая может сплотить народ вокруг короля. Если возникает противоречие между верностью государю и патриотизмом, то у вьетнамцев всегда верх берет патриотизм, так как родина важнее короля, преданность своей стране — превыше всего. Для вьетнамцев «страна — это народное достояние, а не собственность короля или его семейства. Король и другие представители его рода — это те, кто от имени народа лишь управляет страной, но не является ее собственником» [11, с. 216].

Категория верности в эпоху правления Ли (1010–1225) и Чанов (1226–1400) достаточно отчетливо проявлялась как в идеологии, так и в поступках правителей, чинов-

ников, военачальников. В период правления Ли являющийся примером верности Ле Фунг Хиеу не только помог наследнику престола Дык Чиню (а именно — правителю Ли Тхай Тонгу, 1000–1054) сохранить за собой законное право правления, но и убеждать физически в условиях смуты и борьбы принцев за престол. В самый противоречивый момент разгоревшейся борьбы между силами, поддерживающими принца Дык Чиня и силами повстанцев, Ле Фунг Хиеу уличил лагерь повстанцев в том, что они «метят на престол, не рассматривая при этом право на наследование законного правителя, верхние круги забыли милость прежнего правителя, нижние — значение подданства» [2, с. 248]. Он отважно возглавил подавление бунта, заставив повстанцев пуститься в бегство. Ли Тхай Тонг не пожалел хвалебных слов для этого примера безотчетной преданности своего подданного: «Когда я смотрел историю династии Тан, я увидел историю Уат Чи Кинь Дыка, которой помог в беде своему правителю. Я подумал тогда, что последующие поколения подданных не идут ни в какое сравнение с этим. Но сейчас я узнал, что Лу Фунг Хиеу своей верностью много превосходит Кинь Дыка» [2, с. 249].

В эпоху правления Ли Ань Тонга (1137–1175) подданный То Хиен Тхань (1102–1179) проявил себя как образец безукоризненной верности, на который равнялись конфуцианцы последующих поколений. Никакой подкуп не смог пошатнуть верность То Хиен Тханя, когда он, повинувшись последней воле Ли Ань Тонга, помогал наследникам своего господина. То Хиен Тхань говорит: «Я вельможа, который, получив приказ почившего правителя, должен помогать и давать напутствия маленькому королю, если я сейчас откажусь от своего слова и не помогу маленькому принцу взойти на престол, то как же я потом смогу смотреть в лицо своего господина, когда пересеку желтый ручей и встречу с ним в загробном мире?» [2, с. 325]. Королева-мать изыскива-

ет любой способ изменить его решение, но он только отвечает: «Вести себя вероломно и получить богатство, как же может верный, преданный своему долгу подданный поступить так?» [2, с. 325].

Живший во времена правления династии Чан, Чан Куок Туан* — в своем «Воззвании к воинам» (вьет. «Hịch tướng sĩ») — взял некоторые примеры самоотверженной преданности из китайской истории, чтобы воспитать подобные качества у своих офицеров: «Я слышал, Ки Тин пожертвовал собой, чтобы спасти Као Де; Зо Ву подставил свою спину под копья, чтобы укрыть Чьеу Вьюнга... Издавна верные и преданные подданные погибали за государство» [3, с. 82]. Чан Куок Туан рассматривает верность в качестве нормы человеческой морали, которую обязан иметь каждый подданный и которая неразрывно связана как с почетом, так и с бесчестьем. Поэтому, услышав, что говорит о капитуляции Чан Тхань Тонг (1259–1278), Чан Куок Туан сказал: «Если Ваше Величество желает сдаться, то пусть сперва отрубят мне голову» [3, с. 81]. Мы также видим горделивый характер верности у Чан Бинь Чонга (1259–1285), который был пойман врагами во время войны с монголами, пытавшимися во второй раз захватить Вьетнам в 1285 году. Его пытались перетянуть на службу монгольскому правителю, но Чан Бин Чонг благородно ответил: «Я лучше буду жить в нищете на землях юга (Вьетнам), чем быть королем на землях севера (Китай и Монголия). Меня поймали, а значит, мне осталась лишь смерть — какой смысл в праздных вопросах?» [3, с. 54]. Мы видим здесь выдающийся пример преданной души, хранящей верность не только перед государем, но и перед всей страной. Для конфуцианцев эпохи правления Чанов преданность была важным эталоном поведения для людей, следовательно, она стала одним из условий для отбора чиновников. По словам Чан Нгуен Дана (1325–1390), работа по назначению чиновников шла следующим образом: «Сначала надо оценить честность

и верность, а потом — общую культурность человека» [10, с. 174].

Говоря в общем, во времена династии Ли и Чан морально-этические представления правителя и чиновников претерпевали влияние конфуцианства, но это не было конфуцианство эпохи Цинь, Хань или Сун, потому что в идее «исправления имен» упорядоченная иерархия конфуцианства Конфуция — Мэн-цзы еще не проявилась столь строго. Еще не проявились мистические мотивы конфуцианства эпохи Хань, и не было видно строгой морали конфуцианства эпохи Сун. В отношениях между правителем и подданным верность ценилась высоко, но преданность правителю была связана с патриотизмом, а не только с верностью правителю и его двору. К тому же, отношения между правителем и подданным в эпоху правления династий Ли и Чан были отношениями сплоченными, еще не размежеванными чрезмерно иерархическими принципами звания и соответствующей званию функции. Правитель Чан Тхай Тонг говорил: «Несмотря на то, что формально есть один человек, которому поклоняется и служит весь свет, но если посмотреть ближе, то можно увидеть, что и я и все мои подданные — соотечественники и все мы одной крови. Если тревожиться, то тревожиться вместе — если радоваться, то тоже вместе» [3, с. 37]. Чан Куок Туан также высказывался за то, что дела государства правитель и подданные должны решать в согласии, старшие и младшие должны ладить, а вся страна — объединиться в усилиях.

Когда войска династии Мин оккупировали территорию Вьетнама, конфуцианец Кань Чан (1355–1409) создал стихотворный текст «Без названия», в котором говорил: «Хотя тело уже старо, душа все еще молода. Смысл в служении ради отечества. Подняться на перевал и пересечь ущелье — не стоит бояться трудностей. Нырнуть в источник и залезть на гору — надо показать свое умение. Во всех четырех сторонах света у человека есть свой долг и обязанности.

А раздолье нашей страны не уступает ни одной другой» [4, с. 320]. Стихи проникнуты патриотичными настроениями, преданностью своей родине.

В эпоху правления Ранних Ле конфуцианство достигло точки своего наивысшего расцвета. Ле Тхань Тонг (1442–1479) — правитель, который поклонялся и изучал конфуцианское учение, подчеркивал, что отношения между правителем и подданным предъявляют некоторые требования и нормы. Ле Тхань Тонг говорил дворцовым чиновникам на самых различных уровнях занимаемых должностей: «Морально-этические установки приписывают подданному две главных вещи. На верхнем уровне любить своего правителя, на нижнем — любить свой народ. Любить своего правителя надо в высшей степени преданно, любить народ надо искренне. Только и всего» [3, с. 310]. Он выразил свое мнение относительно преданности подданных следующим образом: «Я думаю: верные подданные и военные в прежние времена достойно служили своему правителю и ради государства жертвовали собой и своей семьей. Сегодня вельможи и сотни чиновников-мандаринов по всей стране проедают состояние правителя...» [3, с. 349].

Так же как конфуцианство Китая и многие вьетнамские конфуцианцы, Нгуен Чай (1380–1442) полагал, что порядок или беспорядок в стране зависит, главным образом, от чиновников. Отсюда он делает вывод, что эта социальная прослойка должна быть преданной правителю, прилежной в своей работе, доброй и щедрой с народом. Тем не менее, верность в понимании Нгуен Чая не совсем идентична верности в понимании раннего конфуцианства или конфуцианства эпохи Сун. В конфуцианстве эпохи Сун верность — это преданность лишь по отношению к одному человеку, к одному роду, за которого или за который, если понадобится, придется и умереть (если правитель приказал подданному умереть, а подданный не умер — это отсутствие истинной пре-

данности). Семья же Нгуен Чая отреклась от служения династии Чан и последовала за династией Хо. Когда же во время наступления войск китайской династии Мин правитель династии Хо вместе с близкими подданными был захвачен в плен, в числе пленных, которых везли в Китай, оказалась и семья Нгуен Чая. Тогда он и услышал о планах отца вернуться обратно и помочь Ле Люю (1385–1433) в его борьбе против захватнических войск Миней. Как говорит Нгуен Чай, «истинно преданный подданный должен уметь выбрать себе возвышенного святого правителя, которому он будет поклоняться, правителя, обладающего талантом и добродетелью, — такого правителя, как император Яо или император Шунь. Подданный должен знать, как помочь правителю создать процветающее и мирное государство» [6, с. 192].

В XVI веке конфуцианец Нгуен Бинь Кхием (1491–1585) создал множество стихотворных текстов для развернутого объяснения постоянных моральных обязательств в отношениях между правителем и подданным, отцом и сыном, мужем и женой, старшими и младшими, друзьями, в которых он возвышает морально-этические установки конфуцианства, а в центре всего ставит понятие преданности. По его словам, «верность означает, что в середине нет разрыва. Верность — это полное сохранение в себе доброго чувства, а если этого сделать не удалось, то это отсутствие верности»; «верность по отношению к правителю, почтительность по отношению к родителям, благодетельность между старшими и младшими, согласие между мужем и женой, вера между друзьями — это верность»; «видеть чье-то богатство, и не желать его, видеть где-то выгоду, и не пытаться ее добиться, быть терпимым с людьми, питать искренние чувства и так же относиться к любой сущности — это верность. Где бы ни была верность, там формируется совершенство» [9, с. 332–334]. Таким образом, категория «верности», которую выделяет Нгуен Бинь

Кхием, не имеет того же значения, что и конфуцианская «верность по отношению к правителю». В нее он включает следующие значения: нейтральность (где нужен — там и будь предан), почтительность, благодетель, согласие, веру, долг, пользу, добро. Объяснение «верности» Нгуен Бинь Кхиемом показывает, что содержание этого понятия претерпело значительные изменения и носит комплексный характер: оно распространилось на морально-этическую сторону отношений в обществе, особенно близко значение преданности к понятию почтительности.

В период междоусобиц между феодальными группировками наряду со структурой власти «двойного правления» (короли Ле — князя Чинь), конфуцианский принцип «истинно преданный подданный не будет служить двум господам» больше не носил характер незыблемости в модели поведения многих вьетнамских конфуцианцев. Это также являлось причиной, которая повлияла на поведение Нго Тхи Няма (1746–1803), в высшей степени хорошо проявившего себя в качестве подданного как на службе у Ле, так и на службе у Чинней. Однако потом он отказался от этого правящего дома и вступил в повстанческие войска Тэйшонов. Несмотря на смерть от мстящей династии Нгуен (1802–1945) в 1803 году за переход Нго Тхи Няма под власть Тэйшонов, большое число вьетнамцев до сих пор почитают эту личность, считая, что он не мог стерпеть своей славы в качестве «слепо преданного» и поступил от противного, выбрав мягкого господина, чтобы через него помогать народу и стране. Что касается проблемы реализации пути преданности в зависимости от времени и положения (условие объективное и субъективное), то Нго Тхи Ням полагал, что в каждой отдельной ситуации надо и вести себя по-разному. Он говорил конфуцианцу Данг Чан Тхыонгу (1759–1813): «Встретил такие времена, веди себя соответственно этим временам» [7, с. 366].

Во второй половине конца XVIII века произошло немало крестьянских восстаний, особенно примечательным из которых стало восстание Тэйшонов, направленное на свержение феодальной правящей группировки Ле — Чиней, что привело к панике среди подданных правителей этой системы. Некоторые конфуцианцы придерживались идеи преданности только по отношению к одному правящему человеку и к одному правящему роду, вне зависимости от того, что из себя представлял конкретный человек или род (вьетнамцы обычно называли таких конфуцианцев "слепо преданными"). Конфуцианец Нгуен Хань (1771–1824) утверждал: «Преданные и почтительные мужи не могут поклоняться двум королям» (сборник стихов «Клик птицы-султанки»). Нгуен Хань клялся: «Я давал зарок, что до самой старости буду верен своему характеру» [5, с. 423–424] и говорил, что будет предан только старой династии, коей являлась Возрожденная династия Ле.

В начале XIX века, чтобы восстановить феодальный строй и форсированно навести общественный порядок и правила, династия Нгуен сразу после получения власти ввела жесткие меры для достижения добродетели, «вознесла путь добродетели выше, чем какая-либо вьетнамская феодальная династия до этого» [6, с. 197]. Чтобы возвысить категорию верности, правитель и чиновники династии Нгуен множество раз поощряли и отмечали верных правителю подданных и готовых за него умереть мирян; за эти примеры верности правителю их усердно прославляли. Верность еще использовалась династией Нгуенов в качестве инструмента власти [1, с. 613]. Так же, как и в эпоху Хань, конфуцианство эпохи Сун и предыдущих вьетнамских феодальных правящих династий, король и конфуцианцы при дворе Нгуенов перманентно рассматривали понятие сыновней почтительности в связке с верностью: сыновняя почтительность логически вытекала из верности. Король Зялонг говорил: «Почтительный подданный в полной мере верен своему правителю, поэтому

если хочешь найти безгранично преданного подданного, надо искать безгранично почтительного сына» [1, с. 822].

В ситуации, когда стране угрожали французские колониальные войска, многие консервативные конфуцианцы по-прежнему находились в смутных иллюзиях по поводу возможности использования идей благожелательности и добродетели в надежде, что противник изъявит похотимые намерения и перейдет к мирным переговорам, отозвав войска. По этой причине на борьбу с иностранным завоевателем не поднимались народные войска: был страх, что это вызовет недовольство и категорический отказ от решения вопросов мирным путем со стороны французов. В результате шесть провинций на юге Вьетнама (Зядинь, Диньтыонг, Бьенхоа, Виньлонг, Анзянг, Хатьен) поочередно попали в руки врага, страна постепенно приобретала оковы рабства. В то же время были некоторые консервативные конфуцианцы, «которые выбрали верность отнюдь не опасную, а праздную, — верность по отношению к королю-марионетке французов» [12, с. 253]. Но еще имели силу и патриотичные конфуцианцы, близкие к народу, которые по-прежнему являли собой пример истинной преданности, правда, не по отношению к королю, но по отношению к народу и государству, такие как Нгуен Чи Фыонг (1800–1873), Хоанг Зьеу (1828–1882), Чьонг Динь (1820–1864), Фан Динь Фунг (1874–1895), Нгуен Куанг Бить (1832–1890), До Куанг (1807–1866) и др. Все они полагали, что конфуцианское учение нужно чиновничеству, чиновничество нужно для помощи королю в деле управления государством, «функция верного подданного — это функция принятия решений в деле управления страной» [12, с. 242]. Но когда династия Нгуенов решила просить мира и бросила народ, чтобы сдать французским колониальным войскам, они оспорили приказ правителя о свертывании военных действий и вместе с народом решили вести борьбу против захватчиков. По их мнению, «государ-

ство выше правителя, и когда правитель не верен государству, то подданный не обязан быть верен правителю» [12, с. 243]; «когда в столице нет наделенного добродетелями правителя, то вне столицы должны быть люди, которые поднимут знамя сопротивления» [12, с. 244].

Конфуцианец Нгуен Динь Чьеу (1822–1888), хотя был слеп на оба глаза, тем не менее терпеливо работал с литературными текстами, чтобы использовать их для порицания французских захватчиков, для критики слабохарактерной политики двора и в то же время для восхваления духа истинной преданности и героических примеров истинных конфуцианцев и крестьян в деле борьбы. В своем творчестве он отмечал примеры верности по отношению к отечеству, любви к народу. Зная, что Нгуен Динь Чьеу — конфуцианец и патриот, имеющий большой авторитет в народе, французские колонизаторы выискивали способы для подкупа, обещая вернуть ему земляной надел, пожаловать золото и предоставить людей для заботы о нем, однако он твердо и решительно отказывался: «если и правителю земля не была отдана, то уж мне и подавно не отдадут!» [8, с. 318]. Критикуя конфуцианцев и дворцовых чиновников, ставших марионетками в руках французов, Нгуен Динь Чьеу пишет: «Несмотря на то, что я слеп, сохранил моральные семейные ценности, и это много лучше ситуации, при которой я имел бы глаза, но не выражал сыновней почтительности» [8, с. 374]. Верность по отношению к государству Нгуен Динь Чьеу преодолела консервативные идеи конфуцианцев-современников.

Таким образом, если «китайский конфуцианец считал, что страна зависит от правителя, распространяя идею верности императору и не признавая идеи любви к стране» [12, с. 234], то во Вьетнаме конфуцианская идея верности правителю не связывала так сильно умы конфуцианцев, из-за чего случался диссонанс с их любовью к отечеству и к народу.

ПРИМЕЧАНИЯ

*Чан Куок Туан (1232–1300) — выдающийся генерал эпохи правления Чанов, трижды проявивший себя в борьбе с монгольскими войсками, вторгавшимися на территорию Вьетнама в 1257, 1285 и 1288 годах. Он три раза разгромил войска самой сильной армии в мире, которая захватила огромную территорию, расстилавшуюся от Европы до Азии. В феврале 1984 года, когда Королевское научное сообщество составляло список десяти самых выдающихся военачальников за всю историю человечества, Чан Куок Туан был отмечен как уникальный военачальник средневековья подавляющим большинством голосов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

(Публикации на вьетнамском языке)

1. Записи об исторических событиях династии Нгуенов: 10 т. Ханой: Культура — Информация, 2002. Т. 1.
2. *Нго Ши Лиен*. Полное собрание исторических записок Дайвьета (перевод и комментарии Академии общественных наук Вьетнама): В 2 т. Ханой: Общественные науки, 1998. Т. 1.
3. *Нго Ши Лиен*. Полное собрание исторических записок Дайвьета (перевод и комментарии Академии общественных наук Вьетнама): 2 т. Ханой: Общественные науки, 1998. Т. 2.
4. *Нгуен Данг Зуи*. Конфуцианство с культуром Вьетнама. Ханой: Ханой, 1998.
5. *Нгуен Тай Тхы* (Гл. ред). История Вьетнамской мысли: 2 т. Ханой: Общественные науки, 1993. Т. 1.
6. *Нгуен Тхань Винь*. Социально-политическая теория конфуцианства и его влияние во Вьетнаме. Ханой: Государственная политика, 2007.
7. Нгуен Хунг Хау. Общий курс истории вьетнамской философии. Ханой: Изд-во «Государственная политика», 2010.
8. Полное собрание сочинений Нгуен Динь Чьеу. Ханой: Общественные науки, 1982.
9. Поэзия и проза Нгуен Бинь Хиема. Ханой: Культура, 1983.
10. Поэзия и проза эпохи династий Ли и Чан: В 3 т. Ханой: Общественные науки, 1978. Т. 3.
11. *Фам Зуи Нгеа*. Право и положительные факторы конфуцианского влияния. Ханой: Юстиция, 2004.
12. *Чан Ван Зяу*. Развитие вьетнамской мысли с XIX века до Августовской революции: В 3 т. Хошимин: Город Хошимин, 1993. Т. 1.

REFERENCES

1. Zapisi ob istoricheskikh sobytijah dinastii Nguenov: V 10-h tt. T. 1. Hanoj: Kul'tura — Informatsija, 2002. (na v'etnamskom jazyke).
2. *Ngo Shi Lien*. Polnoe sobranie istoricheskikh zapisok Dajv'eta (perevod i kommentarii Akademii obshchestvennyh nauk V'etnama): V 2-h tt. T. 1. Hanoj: Obshchestvennye nauki, 1998 (na v'etnamskom jazyke).
3. *Ngo Shi Lien*. Polnoe sobranie istoricheskikh zapisok Dajv'eta (perevod i kommentarii Akademii obshchestvennyh nauk V'etnama): V 2-h tt. T. 2. Hanoj: Obshchestvennye nauki, 1998 (na v'etnamskom jazyke).
4. *Nguen Dang Zuj*. Konfucianstvo s kul'turom V'etnama. Hanoj: Izd-vo «Hanoj», 1998. (na v'etnamskom jazyke).
5. *Nguen Taj Thy* (Gl. red). Istorija V'etnamskoj mysli: V 2-h tt. T. 1. Hanoj: Obshchestvennye nauki, 1993 (na v'etnamskom jazyke).
6. *Nguen Than' Vin'*. Sotsial'no-politicheskaja teorija konfucianstva i ego vlijanie vo V'etname. Hanoj: Gosudarstvennaja politika, 2007 (na v'etnamskom jazyke).
7. *Nguen Hung Hau*. Obshchij kurs istorii v'etnamskoj filosofii. Hanoj: Gosudarstvennaja politika, 2010. (na v'etnamskom jazyke).
8. Polnoe sobranie sochinenij Nguen Din' Ch'eu. Hanoj: Obshchestvennye nauki 1982 (na v'etnamskom jazyke).

9. Pojezija i proza Nguen Bin' Hiema. Hanoj: Kul'tura, 1983 (na v'etnamskom jazyke).
10. Pojezija i proza jepohi dinastij Li i Chan: V 3-h tt. T. 3. Hanoj: Obshestvennye nauki, 1978 (na v'etnamskom jazyke).
11. *Fam Zui Ngia*. Pravo i polozhitel'nye faktory konfutsianskogo vlijanija. Hanoj: Justicija, 2004 (na v'etnamskom jazyke).
12. *Chan Van Zjau*. Razvitie v'etnamskoj mysli s XIX veka do Avgustovskoj revoljucii: V 3-h tt. T. 1. Hoshimin: Gorod Hoshimin, 1993 (na v'etnamskom jazyke).

Le Txu Tuyem

ПСИХОАНАЛИЗ В ФИЛОСОФИИ И В ЛИТЕРАТУРЕ ВЬЕТНАМА

Автор отмечает, что во Вьетнаме пока недостаточно широко известен психоанализ, и установление степени его влияния на вьетнамское общество представляет определенные трудности. Однако в сфере искусства, и особенно литературы, фрейдизм оказал сильное и легко идентифицируемое влияние. Особенно это касается Южного Вьетнама, где психоанализ приобрел черты массовой культуры с элементами вырождения.

Ключевые слова: психоанализ, либидо, вытеснение, бессознательное, сексуальность, «эдипов комплекс», фрейдизм, художественное творчество, литературная критика.

Le Thi Tuyet

Psychoanalysis in Vietnamese Philosophy and Literature

It is emphasized in the article that psychoanalysis has not been well known in Vietnam yet and that it is difficult to determine its influence on Vietnamese society. But in the sphere of art and especially literature, Freudianism has had a deep impact, mostly in the South Vietnam, where psychoanalysis has taken features of mass culture with elements of degradation.

Keywords: psychoanalysis, libido, displacement, the unconscious, sexuality, “Oedipus complex”, Freudianism, literature, literary critic.

XX век был столетием больших перемен, одним из важнейших периодов в истории вьетнамского народа, временем активного развития философии во Вьетнаме. Страна стала своеобразным культурологическим узлом, в котором переплелись наиболее значимые идейные течения, существующие в мире — как на Востоке, так и на Западе. После окончания освободительной войны народа против американской агрессии (1975), когда Юг Вьетнама был освобожден и страна объединилась, задача изучения западной философии стала актуальной. Однако вплоть до 1986 года доминирующим взглядом вьетнамских исследователей фи-

лософии на современные западные философские учения было восприятие их как учений идеалистических, метафизических, антинаучных и очевидно направленных против марксизма-ленинизма [8, с. 404–416].

Крайние, односторонние взгляды, видевшие только ограничения и негативные стороны и не замечавшие всего того положительного и прогрессивного, что содержали в себе современные западные философские учения, были пересмотрены в период осуществления политики обновления («дой мой») в 1986 году. В сфере обновления мышления проводилось множество научных